

Глава 10. Страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока: путь капиталистического развития

Группа стран, о которых теперь пойдет речь, весьма противоречива и неоднородна. Объединяет их одно – развитие по капиталистическому пути с ориентацией на японскую модель развития. Под термином “японская модель” имеется в виду развитие с учетом собственных традиций по пути, соответствующему в основных своих параметрах еврокапиталистическому стандарту. Как показывает практика, с точки зрения результатов это для стран Востока оптимальный путь развития. Сложность, однако, в том, что страны, ориентирующиеся на такую модель, различны, в том числе и по традициям, что, естественно, сказывается на результатах. В соответствии с этим и будут группироваться страны. Начать следует с эталона, дабы в последующем был ориентир.

Япония

**Страны, следующие по японскому пути (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур)
Таиланд, Малайзия, Индонезия, Филиппины**

Япония

О феномене Японии уже достаточно подробно шла речь в предыдущей части работы. Обратим внимание на то, что особенно выпукло характеризует Японию сегодня и составляет суть той японской модели развития, которая является ныне ориентиром для многих стран Востока. Итак, что же такое современная Япония

Прежде всего – очень быстро и динамично развивающееся богатое и процветающее государство, современное поколение жителей которого (ок. 125 млн.) уже полностью вкусило плоды упорного труда своих предшественников. Для экономики страны характерны высокие темпы прироста; очень высокий (выше, чем в США) объем ВВП на душу населения, первоклассная промышленность, повсеместно вытесняющая конкурентов с мирового рынка, высший класс качества изделий, невиданный подъем научно-технического стандарта, превративший Японию в центр науки и техники завтрашнего дня, великолепно развитое сельское хозяйство, обеспечивающее на скудных почвах маленькой страны все ее большое население необходимыми продуктами, невиданная по степени развития инфраструктура, включающая лучшие из современных дороги, транспортные средства и т. п., высококачественную систему народного образования, здравоохранения, социального обеспечения. Этот перечень

можно продолжить, перечисляя все японские достижения мирового класса. Разумеется, все это не означает, что у Японии нет проблем. Они есть и проявляются в болезненной напряженности людей, стремящихся не отстать от быстрых темпов прогресса, в невозможности для части молодежи выдержать общепринятый темп и объем усваиваемых в школе или вузе знаний, в росте непривычного для традиций этой страны отчуждения людей, уставших от напряженной погони за стандартом. Но согласимся, эти проблемы иные, нежели у развивающихся стран вчерашнего традиционного Востока. Иной стандарт жизни, иные реалии и совсем иные проблемы. Традиция и воспитанная ею высокая культура труда, корпоративная дисциплина общежития способствуют достижению тех успехов, коими по праву может гордиться современная Япония. За счет этой традиции достигается высокое качество продукции при сохранении социальной гармонии во взаимоотношениях старших и младших (важнейший принцип конфуцианства!), особенно в рядах средней фирмы, каждая из которых в современной Японии являет собой все ту же традиционную конфуцианскую разросшуюся семью с общими интересами и полным взаимопониманием. Доблесть и достоинство самурая, трансформировавшиеся в этику инженера, ученого, предпринимателя, политического и общественного деятеля, способствуют сохранению высокого стандарта самоуважения и отношений в обществе, что дает дополнительный импульс немалой силы для достижения все новых успехов.

Политическая система современной Японии основана на многопартийной парламентской демократии с сохранением императора в качестве главы государства. Практически неизменно господствует на выборах и формирует правительство одна ведущая либерально-демократическая партия, что свидетельствует об устойчивости политических симпатий избирателей и завидной внутривнутриполитической стабильности страны. Государство в современной Японии – весьма активный политическо-правовой институт, заботливо стоящий на страже интересов общества, прежде всего цветущей национальной экономики. Оно постоянно покровительствует бизнесу, заботится о выгодной структуре экспорта и импорта, активно поддерживает мелких собственников, не забывает о народном образовании, культуре и прочих жизненно важных потребностях населения.

Важно заметить, что национальное процветание сыграло решающую роль в отмирании японского милитаризма, чему способствовала и буква послевоенного мирного договора, запретившего Японии иметь большую армию. Нет у Японии и территориальных притязаний, если не считать некоторых и обоснованных претензий на группу южнокурильских островов, силой отобранных у Японии в конце войны без закрепления этого акта в общепризнанных документах международного права. Словом, традиционный военный дух самурайской Японии на глазах уходит в прошлое. Соответственно меняется, особенно за последние полвека, и все японское общество. Разумеется, традиции чтутся, но многие из них на глазах превращаются в раритеты наподобие знаменитых гейш или заметно трансформируются в новых условиях жизни. В то же время обращает на себя внимание стремление японцев продолжать учиться у развитых стран Запада, перенимая все современные достижения мировой науки, техники, технологии, при всем том, что во многих отраслях знаний и достижений японцы уже опережают других.

Давно ушло в прошлое время, когда на Японию смотрели как на любопытное и почти экзотическое явление, как на страну, способную лишь на жестокости и насилия.

Сегодня Япония совсем иная – и другое к ней отношение. На эту страну смотрят с замиранием сердца. Едут туда, как в Мекку. Уже ничто японское не удивляет – люди привыкли ожидать новое, интересное, необычное, феноменальное именно оттуда. Этому активно содействует и сама Япония, чьи товары заполнили мир, чьи предприятия и капиталы осваивают новые рынки, чьи туристы занимают заметное место среди людей, посещающих разные страны мира. Такова Япония сегодня, если обратить внимание именно на то, что наиболее показательно характеризует японскую модель как ориентир для других.

Страны, следующие по японскому пути (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур)

Перечисленная группа стран, включая и такие территории, как Тайвань и Гонконг, которые формально не имеют самостоятельного политического статуса (или, как в случае с Тайванем, имеют не вполне ясный с точки зрения международного права статус), но фактически являют собой вполне самостоятельно существующие политические образования, – это как раз те четыре страны конфуцианской цивилизационной традиции, которые и демонстрируют ныне, наряду с Японией, потенции дальневосточной цивилизации. Что представляют собой эти страны – они достаточно разные. Две наиболее крупные из них, Южная Корея (43 млн. жителей) и Тайвань (20 млн.), принадлежали на протяжении ряда десятилетий, вплоть до конца 80-х годов, к числу политически весьма жестких, авторитарных структур. Военные правители Кореи или десятилетиями бесценно находившийся у власти сын Чан Кай-ши Цзян Цзин-го являются олицетворением такого рода режима. Однако в обеих странах сильное и жестко осуществлявшее свою власть государство, опиравшееся на однопартийную систему с ограниченными прерогативами парламента и с президентским правлением, не менее энергично и активно, чем государство в Японии, поддерживало частное предпринимательство и иные соответствующие еврокапиталистическому стандарту условия развития экономики, опирающейся на свободный рынок с конкурентной борьбой.

Этот отчетливо фиксированный курс в сфере экономической политики сыграл свою роль и способствовал развитию в обеих странах капитализма, приобщению к нормам капиталистической экономики основной массы населения как в городе, так и в деревне.

По мере развития и ускорения темпов капиталистического развития в обеих странах осваивались, как и в Японии, передовые наукоемкие отрасли современного производства, что способствовало включению творческого потенциала населения, уровень образованности которого год от года рос. Традиционная культура труда, проявленная и в учении, и в работе на предприятиях, приносила, как и в Японии, свои плоды. И хотя не все фирмы на Тайване или в Южной Корее формировались по японскому патерналистскому стандарту, значительная часть их была именно такой – сказалась общая для рассматриваемой группы стран конфуцианская традиция. Это обстоятельство способствовало стабилизации экономических успехов и наращиванию научнотехнического потенциала. : Различна политическая ситуация в обеих странах. На Тайване она отличается покорностью населения властям и весьма незаметной ролью социального протеста населения. Только в самые последние годы в связи со смертью Цзян Цзин-го на передний план стали выходить оппозиционные настроения и соответствующие политические тенденции, что постепенно ведет к сложению на острове новой внутривластной ситуации, включая не формальную, а политически реальную многопартийную структуру. В частности, создается весьма влиятельная политическая сила сепаратистов, готовых к отказу от претензий на единство с КНР, ассоциирующихся с годами правления гоминьдановцев. И хотя власть гоминьдановцев пока не поколеблена, что было – подтверждено выборами на многопартийной основе в конце 1991 г., сепаратистские тенденции все же усиливаются. Не вполне ясным остается и статус острова: КНР не только не отказывается от прав на него, но и весьма твердо дает понять, что никогда от них не откажется. Будущее острова в свете сложностей его статуса неясно. Но одно несомненно: Тайвань за десятилетия параллельного с КНР существования в качестве части великого Китая, активно развивающейся по капиталистическому пути, убедительно доказал преимущества этого пути (ныне доход на душу населения здесь минимум в 10 раз выше, чем в КНР, при примерно равной исходной позиции в 1949 г). К слову, это сопоставление играет не последнюю роль в выборе того направления, по которому ныне следует Китай.

Южная Корея являет собой нечто иное. Сильная авторитарная власть здесь вот уже несколько лет назад была ослаблена в результате энергичного протеста населения, особенно бунтующего студенчества. Это сыграло определенную роль в вынужденном отказе властей от авторитарных форм правления. Признание роли оппозиции и введение многопартийной системы способствовали заметному изменению в политической структуре, сближению этой структуры с привычной еврокапиталистической. Но если оставить в стороне руги и способы достижения нового качества (в Корее это студенческое движение, на Тайване – оживление оппозиции после смерти президента Цзяна), то суть дела обнажится более отчетливо. Она сводится к тому, что на определенном витке развития по капиталистическому пути авторитарный режим, до того вынужденно необходимый в странах с неподготовленными к новому стандарту жизни массами местного населения, уступает свое место более демократическим формам правления в новых условиях. Примерно такой же путь продемонстрировало в свое время и японское государство. Более быстрыми темпами развитие по этому же пути, уже изведанному, демонстрируют Тайвань и Южная Корея.

Что касается Гонконга и Сингапура, то здесь несколько иная ситуация. Разница в том, что оба мелких политических образования (формально остающийся еще колонией

Британской империи Гонконг с его 6 млн. жителей и сравнительно недавно, в 1965 г., ставший независимым Сингапур с его 3-миллионным населением) обязаны своим процветанием выгодному стратегическому положению. Это торговые форпосты на важных морских путях. Впрочем, геополитическое положение было лишь стартовой основой, не более того. Последующее развитие обеих территорий во многом связано со все теми же цивилизационными особенностями этих населенных в основном китайцами районов Азии. Здесь не было жестких авторитарных режимов, но не было и сжатых исторических сроков для важных внутренних преобразований. Гонконг и Сингапур с прошлого века, были колониями Англии, которая здесь, как и в других своих колониях, вела курс на сближение местных условий с еврокапиталистическим стандартом. Этот курс на протяжении более чем века не мог не дать определенных результатов, так что последние десятилетия развития (в том числе в Сингапуре уже в условиях независимости) были лишь заключительным аккордом: импульсы колониальной политики и цивилизационный потенциал местного населения совпали по вектору, что и обусловило результат.

Если попытаться сопоставить между собой все четыре страны, о которых идет речь, то на первое место, пожалуй, выйдет Южная Корея – и по темпам развития, и по его результатам. Ныне южнокорейская экономика уже наступает на пятки японской, а крупнейшие ее фирмы занимают почетное место в ряду первых десятков богатейших корпораций мира. Считается, что по уровню и темпам развития корейская экономика отстает от японской лишь на десять – пятнадцать лет, причем разрыв этот имеет тенденцию к сокращению (речь не об отсталости промышленности, но лишь об общем стандарте экономики). Тайвань, в еще большей степени Сингапур и тем более Гонконг несколько отстают, хотя каждая из этих стран стремится взять свое. Что касается Гонконга, то его производство и торговая марка по сравнению с японской, южнокорейской и тайваньской считаются стоящими ниже: аналогичные изделия и стоят дешевле, и ценятся меньше. Не вполне способствует устойчивости и репутации торговой марки гонконгских предприятий статус территории: в конце XX в. Гонконг станет частью КНР. И хотя Китай заинтересован в том, чтобы Гонконг еще долго оставался тем форпостом капитализма в Китае, каким он сейчас является, ситуация тем не менее является более чем сомнительной, что и сказывается на результатах: гонконгские капиталисты и фирмы уже подыскивают для себя новые места обитания. Иное положение в Сингапуре, расположенном на крошечном острове, который усилиями трудолюбивого своего населения превращен если и не в рай, то во всяком случае в весьма ухоженное место для жизни. По-прежнему извлекая огромные доходы из своего выгодного расположения] остров вместе с тем форсирует наращивание производства в тех Отраслях экономики, которые наиболее соответствуют его положению), его возможностям.

В целом же, несмотря на заметные различия, все четыре страны обычно ныне рассматриваются и оцениваются в рамках единого блока, что вполне справедливо, ибо все они развиваются по единой общей японской модели на сходной цивилизационной основе. Это не значит, однако, что иная цивилизационная основа обязательно меняет дело кардинальным образом. Здесь многое зависит от обстоятельств. При благоприятных обстоятельствах даже сравнительно слабый импульс со стороны конфуцианской цивилизации – имеются в виду хуацяо – может сыграть решающую роль в развитии по японской модели, как то продемонстрировали некоторые страны

Юго-Восточной Азии.

Таиланд, Малайзия, Индонезия, Филиппины

Четыре государства Юго-Восточной Азии, о которых теперь пойдет речь, являют собой нечто вроде второго эшелона стран, активно развивающихся по капиталистическому пути – с ориентацией на японскую модель – и добивающихся при этом заметных результатов. У всех этих стран немало общего: парламентский демократический многопартийный режим (при президентском либо конституционно-монархическом правлении), курс на развитие частнособственнического предпринимательства и свободного рынка, опора на поддержку со стороны развитых стран и открытость для внешних инвестиций. Но самым основным для всех них общим фактором, сыгравшим решающую роль в процессе развития, следует считать определенное место хуацяо в экономике.

Таиланд (ок. 55 млн. населения) – единственная из стран региона, не бывшая колонией, – после второй мировой войны открыл свои рынки для иностранного капитала, особенно американского, что принесло свои результаты и способствовало ускоренному промышленному развитию. К этому уже в 50-х годах была добавлена американская экономическая и военная помощь, масштабы которой были весьма существенны хотя бы потому, что территория страны служила плацдармом для противостояния США странам Индокитая, избравшим марксистскую модель развития. Вплоть до 70-х годов внутриполитическое положение страны было неустойчивым, что нашло свое отражение в спорадических военных переворотах. Государственный сектор в экономике был весьма значительным, а злоупотребления в этой сфере со стороны военотбюрократических верхов были столь велики, что время от времени вызывали грандиозные скандалы. Естественно, это не вело к быстрому и эффективному экономическому развитию. Ситуация заметно изменилась в конце 70-х годов, когда очередной государственный переворот привел к принятию новой конституции, восстановившей принципы конституционной монархии (заложенные еще в 1932 г.), в том числе многопартийную систему и парламентскую демократию. Попытки поколебать эту систему, предпринятые было военными в 1991 г., потерпели крах в 1992 г.

Последние годы характеризуются уверенной поступью страны по пути промышленного

развития и стремлением ее правительства наладить добрососедские отношения с окружающими ее странами, в первую очередь с Лаосом и Камбоджей. Как известно, остатки войск красных кхмеров вплоть до 1992 г. пребывали в пограничных с Таиландом районах Камбоджи, так что от позиции этого государства зависело достаточно многое. Тенденция к урегулированию конфликта в Камбодже проявилась на рубеже 80 – 90-х годов, в частности, в том, что Таиланд продемонстрировал добрую волю и внес свой вклад в решение камбоджийской проблемы.

Для современного развития Таиланда характерно не только наращивание производства и экспорта сельскохозяйственной продукции (риса и каучука), но также и энергичный акцент в сторону развития ряда новых отраслей промышленности, в том числе современных и наукоемких, таких, как электротехника, электроника, нефтехимия. Центр тяжести перенесен на частные инвестиции – здесь стоит напомнить о солидных позициях китайской общины, хуацяо, – а правительство взяло на себя обеспечение экономического развития необходимыми элементами инфраструктуры. Кроме того, Таиланд взял курс на создание отраслей производства, ориентированных на экспорт (готовое платье, драгоценности, текстиль, электроника). Все эти усилия содействуют росту темпов развития страны (с 1960 по 1980 г. ежегодный объем дохода на душу населения удвоился, еще более быстрыми темпами увеличивался он в 80-х годах).

Малайзия (ок. 17 млн. населения), т. е. Малайя и соединенные с ней в рамках единого государства территории Северного Калимантана, Саравак и Сабах, являет собой конституционную монархию, хотя монарх здесь больше напоминает президента: из 13 штатов Малайзии 9 являются султанатами и именно из числа 9 наследственных монархов-султанов избирается сроком на пять лет правитель Малайзии. Двухпалатный парламент на многопартийной основе и назначенный монархом, неответственный перед парламентом кабинет управляют страной. Нефть, олово и каучук – национальные богатства страны, в немалой степени обеспечивающие ее успехи в развитии: по темпам роста среди отدان АСЕАН Малайзия вышла на второе место (после Сингапура).

В 80-х годах произошла приватизация заметной доли государственного сектора в экономике страны, что еще больше способствовало увеличению темпов роста. Как и в Таиланде, здесь еще в 70-х годах был взят курс на производство трудоемкой экспортной продукции. Системой льгот и поощрений правительство стимулирует частное предпринимательство в промышленности. Заботится оно и о создании необходимой инфраструктуры. Специально принятая в 70-е годы так называемая новая экономическая политика поставила своей целью усилить социальную защищенность основной, наиболее отсталой и бедной части населения страны – самих малайцев. Речь идет о предоставлении малайцам большей части рабочих мест в городах, где до того преобладали китайцы-хуацяо и индийцы. Дело в том, что мигрировавшие из деревни в город коренные жители Малайзии с трудом адаптировались к городской жизни. Следствием этого стали национально-социальная напряженность в городах и связанные с этим конфликты. Целью новой политики было посредством льгот, кредитов и специальной помощи помочь малайцам адаптироваться, найти им рабочие места (не менее 50 %) и даже довести долю малайского капитала в современных отраслях промышленности к 1990 г. до 30 % (1970–2 %). Независимо от того, сколь успешно реализуется этот курс, направленность его вполне определена: Малайзия хочет и в экономическом отношении быть главным образом малайской, что осуществляется за счет некоторого уменьшения влияния в городской промышленной экономике

китайцев-хуацяо, – стоит напомнить, что китайская община здесь многочисленна, едва ли не треть населения страны. При все том политика “малаизации” Малайзии проводится осторожно и взвешенно, дабы не породить встречное недовольство и обострение национальной розни. Пока ничего подобного не наблюдается. Напротив, важнейшие национальные партии – Всекитайская ассоциация Малайзии и Индийский конгресс Малайзии – входят вместе с Объединенной малайской национальной партией в единый Национальный фронт (Союзная партия Малайзии), которому в 1988 г. принадлежало 148 мандатов из 177 в палате представителей (сенат из 58 членов частично представлен сенаторами из штатов, по два от каждого, частично лицами, назначенными по воле монарха).

Индонезия с ее свыше чем 170 млн. населения после деколонизации и обретения независимости напряженно искала свой путь развития. 40–50-е годы здесь прошли под знаком острого соперничества между правыми и левыми силами, в качестве верховного арбитра по отношению к которым выступал президент Сукарно, сформулировавший в конце 50-х годов свою концепцию раправляемой демократии, сводившейся к укреплению его личной власти. На рубеже 50 – 60-х годов президент опубликовал программу, получившую наименование Политического манифеста исключившую в себя ряд теоретических позиций – индонезийский социализм, направляемая экономика, самобытность страны и др. Последовавшие за тем реформы привели к разбуханию государственного сектора в экономике и злоупотреблениям управлявшей этим сектором бюрократии. Пожалуй, в рамках “направляемой демократии” по Сукарно едва ли не с наибольшей отчетливостью проявилась неэффективность государственной экономики, особенно в условиях политической нестабильности, обострявшихся противоречий между национальнорелигиозными партиями и компартией. Провалы в экономике ощущались на каждом шагу. Инфляция за 6 – 7 лет к 1964 г. привела к росту цен на товары первой необходимости в 20 раз. Производственные мощности использовались едва наполовину. И в этой тяжелой внутренней обстановке был выдвинут политический лозунг противостояния Малайзии – Сукарно не хотел, чтобы части федерации, Саравак и Сабах, граничили на островах Индонезии с индонезийскими землями.

Однако антималайзийский лозунг, хотя он и сплотил националистические силы, не сыграл той роли, которую должен был сыграть (явно имелось в виду ослабить значимость экономических кризисных явлений в условиях роста патриотического накала страстей). Напротив, он внушил угрозу левым силам во главе с компартией, что и послужило одной из причин заговора этих сил с последующим их разгромом армией, которая и взяла после этого в 1965 г. власть в свои руки. Президентом страны в 1968 г. стал генерал Сухарто, а компартия была исключена из политической жизни страны, что привело к восстановлению политической устойчивости и к перемене курса в направлении развития. Рамки государственной экономики стали сокращаться в пользу частнопредпринимательской. Рынок страны широко открылся для иностранных инвесторов. Основой же развития и даже расцвета экономики Индонезии стала нефть (добыча в 1985 г. – 65 млн. т). Страна обеспечивает свои потребности в продовольствии.

Развитие промышленности и особенно современных ее отраслей идет в Индонезии много медленней, чем в Таиланде или Малайзии, которые активно, как о том говорилось, работают на экспорт. В Индонезии намного больше и внутренних проблем, связанных как с огромным населением страны, так и с исходно низким уровнем

подавляющего его большинства, индонезийской деревни, для развития которой серия аграрных реформ пока что предоставила лишь потенциальные возможности. Словом, Индонезия по развитию стоит заметно ниже Таиланда, Малайзии и даже Филиппин. Однако важно заметить, что взятый в 1965 г. курс развития за четверть века дал немалые позитивные результаты и привел страну к заметному развитию капитализма, а активность индонезийских хуацяо этому во многом способствовала. Новым условиям экономической жизни соответствуют и конституционные преобразования: страна объявлена унитарной республикой с президентским правлением. Существует многопартийная система (деятельность компартии запрещена). Страна играет активную роль в мировых делах, способствует урегулированию разногласий в регионе, в частности решению камбоджийской проблемы.

Послевоенная ситуация на Филиппинах (ок. 60 млн. жителей) чем-то напоминает индонезийскую. Как и в Индонезии, на филиппинском архипелаге большую роль играла компартия с весьма радикальной установкой на вооруженные методы решения проблем.

Борьба с коммунистами на Филиппинах привела в начале 50-х годов к успеху правительственных войск, а последовавшая за тем серия реформ закрепила этот успех. В эти же годы на передний план вышел курс на филиппинизацию экономики страны, что способствовало развитию по капиталистическому пути. Такое развитие было также активно поддержано США, которые вели дело к ликвидации остатков колониального феодализма времен испанского господства и содействовали преобразованиям в соответствующем духе. Хотя влияние США на ход дел на Филиппинах было косвенным, от этого оно не было незначительным, ибо тесные связи с США здесь долго сохранялись. Словом, на Филиппинах все послевоенное время осуществлялся последовательный курс на развитие капитализма, причем существенную роль в его реализации играла община китайцев-хуацяо. В деревне усилиями правительства и зарубежных инвесторов создавалась необходимая для реализации принципов “зеленой революции” инфраструктура (дорожная сеть, ирригация, система снабженческих, сбытовых пунктов и т. п.). Велась работа по созданию перерабатывающей сельскохозяйственной продукции местной промышленности, по организации экспорта. И хотя эта программа пока еще не дала значительных результатов и даже вызвала побочные негативные явления (рост нищеты вытесненных из деревни маргинальных слоев населения), она тем не менее имеет будущее, которое выражается в постоянном увеличении сельскохозяйственного экспорта и доходов от него, в развитии первоклассного плантационного хозяйства.

Филиппины не имеют нефти и вынуждены ее импортировать. Акцент в капиталистическом развитии страны делается на трудоемкие отрасли хозяйства, прежде всего сельского. Однако с конца 70-х годов был взят курс на создание современной промышленности, причем практически целиком за счет усилий частного капитала, включая и иностранный. Правда, заметных успехов пока нет.

Политический баланс в целом соответствует уровню развития и состоянию экономики в стране. При президенте Ф. Маркосе этот баланс сохранялся с помощью силы, в том числе и поддержки военных. После поражения и изгнания Маркоса в 1986 г., когда на выборах была избрана президентом К. Акино, сохранять баланс сил стало еще сложнее, ибо курс на демократизацию стал вызывать сопротивление не только справа, со стороны военных и прежних сторонников Маркоса, но и слева, со стороны компартии маоистской ориентации, ведущей в стране вооруженную борьбу. Несколько мятежных

выступлений против правительства Акино на рубеже 80 – 90-х годов – свидетельство неустойчивости баланса сил в стране. Стоит в этой связи напомнить о национально-религиозных проблемах: действующая на юге группировка мусульманских националистов-моро активно продолжает борьбу за автономию южных провинций. И все же при всех сложностях экономического развития и политической ситуации Филиппины не только выбираются из кризисного состояния, но и делают заметные успехи в развитии по капиталистическому пути.

Сравнивая все четыре государства, можно заметить разницу между ними и даже вытянуть их в некую линию на шкале развития. Можно легко заметить, что всем им, особенно Индонезии и Филиппинам, весьма далеко до развитой японской модели и даже до тех стран дальневосточной конфуцианской культуры, которые вплотную подошли к реализации такой модели. Видимо, здесь сыграли свою роль многие причины и не в последнюю очередь исходный уровень развития и цивилизационный фактор. Совершенно очевидно, что рассматриваемым четырем странам, особенно последним двум из них, предстоит еще большой путь и что большинство населения в этих странах долго еще не достигнет приемлемого стандарта жизни. Но одно несомненно: с избранного пути эти страны уже не сойдут. Более того, альтернативные пути развития, представляемые экстремистскими группировками, явно в этих странах не имеют будущего, тогда как развитие по еврокапиталистическому пути набирает темпы. В заключение стоит еще раз напомнить о той роли, которую сыграли при этом хуацяо.